

Выкрикнув это, Цэнь Цзибай тут же осознал оплошность: он ещё не проходил испытаний в Северной армии и не имел права называть Линь Цзиня братом. Но, отвыкнув за долгие годы, он на мгновение забыл поправиться.

Линь Цзинь, хоть и не различал в темноте очертаний, по голосу узнал Цэнь Цзибая. — Зачем ты пришёл?

Если бы Линь Цзинь собирался хандрить из-за своего изуродованного лица, он сделал бы это месяцами ранее. Но при виде Цэнь Цзибая в его сердце снова поднялось недовольство.

Цэнь Цзибай ведь когда-то носил его на спине. А потом, узнав, что лицо не восстановится, в палатке с таким отвращением отвернулся, даже не взглянув. Хотя... Цэнь Цзибай действительно носил его на спине... Линь Цзиню вдруг показалось, что он, возможно, несправедлив. Цэнь Цзибай спас его дважды, ему следовало бы платить добром за добро.

Нет, чёрта с два! Цэнь Цзибай с детства был тем ещё развратным негодяем, судящим по внешности. Никакой благодарности он не получит.

Цэнь Цзибай осторожно приблизился. — Ты в порядке? — Он не мог понять, насколько сильно Линь Цзинь разгневан на этот раз и из-за чего вообще.

Возродившись, Цэнь Цзибай порой думал: почему все, кто должен умереть, ещё живы? Как бы он хотел одного за другим уничтожить их. Но, вспоминая, что Линь Цзинь всё ещё здесь, он сдерживал разъедающую сердце ненависть, обретая немного терпения. Лишь бы Линь Цзинь был рядом.

Видеть Линь Цзиня, говорить с ним — это было так хорошо. Цэнь Цзибай изо всех сил старался, чтобы голос звучал ровно:

— Син Ин бесчувствен, что бы он ни натворил сегодня, к утру всё забудет. Злиться на него — себе дороже.

Линь Цзиню было плевать, есть ли у кого сердце. Одно имени Сун Сяоси хватило, чтобы взбесить его, тем более что Цэнь Цзибай произносил «Син Чэнь» с неприличной нежностью. — Кто на него злится? Он же всеми любим, да ещё и лицом прекрасен. Кому нужно на него злиться?

Произнеся это, Линь Цзинь осознал, что выпалил сплошные колкости — и тон, и слова дышали обидой.

Он поднялся с земли, глянул на кромешную тьму, прислушался к далёким крикам, зовущим третьего принца. — Пошли.

Цэнь Цзибай опешил. — Так ты не сердишься?

Линь Цзинь взял поводья Серебряного Инея. Белый конь, с которым у него была особая связь, покорно последовал за ним, не требуя ни малейшего усилия.

А о чём, собственно, было злиться? — подумал он.

Но он почему-то чувствовал досаду, злился на Цэнь Цзибая. — Третьему принцу лучше поторопиться назад. Линь Цзинь своим уродливым лицом лишь оскорбит ваш взор.

Услышав это, Цэнь Цзибай вспыхнул. — Какой негодяй посмел назвать тебя уродливым? Я ему... Третий брат... Третий брат прекрасен.

Он ни за что не позволил бы кому-либо плохо отзываться о Линь Цзине. Линь Цзинь был благороден, умен, добр, великодушен, спокоен, изящен... Линь Цзинь был совершенен.

— Разве ты не отдаляешься? Не избегаешь меня? — Линь Цзинь не отступал. Какая разница, урод он или нет? Чем он мешает Цэнь Цзибаю? — Я и вправду уродлив.

Цэнь Цзибай знал, что семья Линь придавала внешности особое значение. Вообще-то, все люди любят красоту, и он тоже. Но вся красота мира не могла сравниться с Линь Цзином, который подарил ему дом.

— Не уродлив, — прошептал он, и сердце ёкнуло.

Факелы у подножия холма уже приблизились, голоса людей смешивались с ржанием коней. Командующий столичной гвардией Шангуань Тэн, завидев их, запыхавшись, вымолвил:

— Третий принц, с вами всё в порядке? Ох, третий принц, Его Величество и госпожа Чжоу на дворцовом пиру вне себя от волнения... Ох, как же я перепугался.

Хотя Цэнь Цзибай был принцем царства Ся, он не имел официального поста. По местному обычаю сановники хоть и выказывали ему почтение, кланяться не обязаны были. Однако колени Шангуань Тэна подкосились, и он опустился на землю в поклоне. — Третий принц, старик осмеливается просить — вернитесь на пир. Главный конюший пренебрёг обязанностями, вы можете доложить Его Величеству и просить о наказании. Но ныне Его Величество на пиру томится от беспокойства. Умоляю вас, не ставьте старика в неловкое положение, поторопитесь назад.

Цэнь Цзибай нервно дёрнул уголок рта. Старый лис сразу же начал расставлять силки. Будь то гнев правителя Ся, узнай он, что его третий принц столь высокомерен, что заставил Шангуань Тэна кланяться, или обвинение любимца правителя Цао Гуя — Цэнь Цзибаю не следовало делать ни того, ни другого.

Он быстрыми шагами подошёл и помог Шангуань Тэну подняться. — Генерал, прошу, встаньте. Цзибай просто забыл о времени, Главный конюший тут ни при чём. Благодарю вас, что лично пришли встретить, мне весьма неловко.

Каждый командующий столичной гвардией, возглавлявший императорскую гвардию, был самым доверенным лицом правящего правителя Ся. Поскольку Цэнь Цзибай был молод, Шангуань Тэн в обращении с ним обычно подчёркивал некую отеческую заботливость.

К слову, Шангуань Тэн, глава императорской гвардии, был тучен, словно сам правитель Ся, что ясно говорило о его негодности как военачальника.

Он казался почтительным перед Цэнь Цзибаем, но каждое его слово было расчётом.

Главный конюший позволил Линь Цзиню скакать ночью и до сих пор не нашёл его — явное пренебрежение обязанностями. Если бы Цэнь Цзибай неосторожно попался в сети Шангуань Тэна, правитель Ся, под давлением семьи Линь и самого Цэнь Цзибая, мог бы действительно сместить Главного конюшего. Тогда эта тучная синекура досталась бы племяннику Шангуань Тэна. А Цао Гуй был любимцем правителя — наказание его наверняка вызвало бы у правителя Ся скрытую досаду на Цэнь Цзибая.

Ныне Шангуань Тэн помогал Цэнь Цюхэ.

Но, казавшийся смиренным, он позже, когда юная супруга Шангуань родит наследника, вознесётся до небес в своём высокомерии.

После утраты императрицы Фан ни госпожа Чжоу, ни госпожа Юй не могли быть возведены на престол, не вызвав недовольства второй. Правитель Ся решил разделить управление внутренними дворцовыми делами пополам между кланами Чжоу и Юй.

Однако пустующий трон не давал покоя. Госпожа Юй, снедаемая обидой, представила правителю Ся младшую дочь Шангуань Тэна, Шангуань Мяо, надеясь, что та поможет укрепить её положение в дворце Ся.

Поначалу на ежегодных дворцовых пирах правитель Ся мог лицезреть множество прекрасных лиц из семей сановников.

Позже сановники поумнели. Если только не было специального представления, детей, достигших хотя бы десятилетнего возраста и обладавших хоть каплей привлекательности, во дворец старались не привозить.

Впрочем, семьи, допущенные на дворцовые пиры, были знатными и влиятельными. Даже такой человек, как Сун Чжияо, о котором правитель Ся грезил годами, не мог быть взят силой. Правителю пришлось упорно домогаться, пуская в ход все уловки, и лишь спустя два-три года Сун Чжияо наконец попал во дворец.

К тому же вкусы правителя Ся были разборчивы. Не будь перед ним такой жемчужины, как Сун Чжияо, он бы и не утруждался.

После того как Шангуань Мяо исполнилось десять, правитель Ся её больше не видел. Увидь он её тогда — она непременно стала бы той, кого он бы из кожи вон лез, чтобы заполнить во дворец.

Короче говоря, Шангуань Мяо, попав во дворец, снискала безмерную благосклонность правителя Ся. Менее чем через год она забеременела и не только перестала считаться с госпожой Чжоу, но и втоптала в грязь госпожу Юй, свою же покровительницу. О троне госпоже Юй можно было забыть. А семья Шангуань Тэна постепенно обретала влияние, способное потеснить клан Фан и занять место среди четырёх великих семей.

На нынешнем дворцовом пиру главной героиней была именно Шангуань Мяо, и Цэнь Цзибай сомневался, что правитель Ся вообще вспоминал о нём с Линь Цзинем.

В прошлой жизни Шангуань Мяо родила принца и, постоянно строя козни против Цэнь Цзибая и Цэнь Цюхэ, разгневала госпожу Юй. У госпожи Юй не хватало изворотливости, да и Шангуань Мяо не была искушена в дворцовых интригах. Подстрекаемая госпожой Чжоу, госпожа Юй погубила Шангуань Мяо и её сына, навлекая на себя гнев правителя Ся. Так Цэнь Цюхэ окончательно лишился шансов стать наследником.

Шангуань Тэн был человеком ненавистным и раздражающим, но дом его ломился от золота. Глядя на него сейчас, Цэнь Цзибай видел словно золотого идола, размышляя, что когда правитель Ся умрёт, все богатства, накопленные Шангуань Тэном за годы его власти, перекочат в его, Цэнь Цзибая, казну. От этой мысли Шангуань Тэн казался ему чуть менее противным.

Шангуань Тэн, будучи пройдохой, смутно почувствовал, что улыбка Цэнь Цзибая странна, но не мог понять, в чём дело. Он подобострастно хихикнул и добавил:

— Третий молодой господин Линь искусен в верховой езде, как и подобает потомку военного рода. На пиру Великий маршал и госпожа Линь весьма беспокоились. Теперь, когда с молодым господином всё в порядке, лучше вернуться.

Цао Гуй и Шангуань Тэн искали в разных направлениях. Если Шангуань Тэн вернёт Цэнь Цзибая на пир первым, Цао Гую не избежать ответственности за халатность.

Цао Гуй действительно не осмелился доложить о происшествии на ипподроме. Это телохранители Цэнь Цзибая, Цин Цзюнь и Син Ин, сообщили госпоже Чжоу, а та уже доложила правителю Ся.

Цин Цзюнь и Син Ин обычно сопровождали Цэнь Цзибая, но, прибыв на ипподром, они взяли лошадей, уступавших Пурпурной Молнии, и, не зная дороги, потеряли Цэнь Цзибая в темноте. Тогда они и поспешили доложить госпоже Чжоу. А тут ещё семья Линь подняла шум, разыскивая Линь Цзиня, что окончательно встревожило правителя Ся.

<http://bllate.org/book/15933/1423893>